

НОВГОРОДСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы научной конференции, посвященной 60-летию
археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения
основателя Новгородской археологической экспедиции
А. В. Арциховского**

Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.

**Под редакцией
В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова.**

Новгород 1994

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НОВГОРОДА

Особенности новгородского культурного слоя

В 1992 г. исполнилось шестьдесят лет с того момента, когда Артемий Владимирович Арциховский начал археологические раскопки в Новгороде, которые с тех пор ведутся систематически и непрерывно (не считая военных 1942—1944 гг.). Исследования этого города потребовали концентрации значительных научных сил и превратили Новгородскую археологическую экспедицию в крупнейшее научное предприятие по изучению городских средневековых древностей. Этот особый интерес к Новгороду определен несколькими важными причинами, среди них и выдающееся место Новгорода в истории средневековой Руси, и особенность форм его политической организации, и та роль, которую Новгород играл в системе торговых и культурных связей между Русью, Западной Европой, Византией и мусульманским Востоком, и наличие в нем выдающихся шедевров архитектуры и живописи, характеризующих высокий уровень его художественной жизни и состояния творческих сил в X — XV вв.

Однако не менее важным обстоятельством, определившим неизменное притяжение к Новгороду нескольких поколений историков и археологов, оказалась прекрасная сохранность в его почве всех без исключения предметов, которые когда-либо попали в землю. Новгород возник на плотных глинистых почвах, не впитывающих воды дождей, паводков и талого снега. Влага до предела насыщала его культурный слой, медленно сочаась в Волхов и препятствуя проникновению в почву воздуха. Поэтому в культурном слое Новгорода не было условий для развития микроорганизмов, вызывающих процессы разрушения органических материалов, а металлические предметы в нем покрывались лишь поверхностной пленкой коррозии, предохранявшей их от дальнейшего разрушения.

Это значит, что в новгородской почве ожидают своего открытия остатки всего, что некогда было сделано руками человека и служило ему: нижние венцы деревянных домов и пограничные частоколы усадеб, уличные и дворовые настилы, системы дренажа и фортификационные

конструкции, домашняя утварь и сельскохозяйственный инвентарь, инструменты ремесленников и произведенные ими предметы, оружие мужчин и украшения женщин, остатки одежд и детали конского убора. В Новгороде археолог может не только войти в усадьбу и в жилой дом средневекового горожанина, но и увидеть себя в окружении привычной этому горожанину бытовой обстановки.

Чтобы эта особенность стала вполне очевидной, следует знать, что главным поделочным материалом в России вплоть до самого недавнего времени было дерево. Из дерева строили дома, им мостили улицы, из него изготавливали посуду и транспортные средства. На дереве писали иконы, а на коре березы — письма. И все, что было сделано из дерева, в обычных почвенных условиях обречалось на безвозвратную гибель. Любая музейная экспозиция средневекового быта поэтому оказывалась поневоле избирательной и случайной, демонстрируя главным образом предметы из дорогих металлов, камня и стекла, которые составляли лишь ничтожную и не определяющую часть репертуара древних вещей. Акценты восприятия прошлого из-за этого неизбежно смещались, а само такое восприятие становилось деформированным. Между тем новгородская почва идеально сохраняет не только костяные, но деревянные и кожаные изделия, а также ткани.

Существует другая важнейшая особенность Новгорода, бесценная для изучения его древностей. Цель археологических раскопок не состоит в простом коллекционировании древних предметов. Главное намерение археолога заключается в реконструкции локально-хронологических комплексов. Археолог озабочен выяснением связей между открываемыми в ходе раскопок древностями. Его интересует единовременный набор предметов, служивших обитателям конкретной усадьбы или конкретного жилища, а также хронологическая динамика развития таких комплексов. В обычных условиях работа археолога бывает затруднена десятками разнообразных обстоятельств, главным из которых является нарушение культурного слоя в ходе строительных и других хозяйственных работ. Даже при рытье

погребов или колодцев древние предметы меняют свое положение в слое, перемещаясь с более поздними и лишая исходный комплекс должной стерильности. В еще больших масштабах такие нарушения возникают при больших строительных работах. На древних улицах Москвы, например, массовое строительство каменных домов в XVIII — XIX вв. безвозвратно уничтожило остатки древней деревянной застройки, откладываясь на тех же местах в предшествующие столетия. Еще более разрушительным для таких остатков стало массовое строительство XX века с глубоким залеганием фундаментов многоэтажных зданий.

В Новгороде из-за повышенной влажности слоя средневековые горожане избегали рытья погребов и колодцев, а дома в нем не имели — в силу тех же причин — заглубленных фундаментов. Напротив, их ставили на бревенчатые подкладки, чтобы избежать соприкосновения нижнего венца с сырой почвой. Поэтому древние остатки оказывались ненарушенными. Существенные перемещения слоя, но в узких пространствах, происходили лишь при рытье канавок для укрепления междудомовых часток и при перестилке уличных настилов, когда извлечение годной для нового настила плахи из ремонтируемого яруса замещалось землей, взятой с примыкающих к мостовой участков.

После утверждения в 1778 г. нового генерального плана Новгород был перепланирован по принципам регулярной застройки. На место стихийно сложившейся древней градостроительной схемы пришла система прямоугольной планировки кварталов на Торговой стороне и радиально-полукольцевая на Софийской стороне. Новые улицы в большинстве случаев прошли по задворкам древних улиц, а красные линии древних улиц, к которым тяготела основная древняя застройка, оказались чаще всего внутри современных кварталов — во дворах, а не под фундаментами новых зданий. Благодаря этому обстоятельству весь массив культурного слоя средневекового Новгорода сохранился до нас в его стратиграфической цельности и элементарно просто расчленяется на последовательные прослойки, включающие в себя всякий раз хронологически однородные комплексы остатков древних строений и относящиеся именно к ним предметы. Иными словами, мы получаем возможность наблюдать относительно-хронологическую последовательность развития как целых комплексов, так и важных процессов, не говоря уже о формах конкретных вещей, меняющихся с течением времени в

зависимости от совершенствования техники, изменения вкусов и движения моды.

Состояние культурного слоя Новгорода послужило поводом для возникновения еще в 60-е гг. нашего столетия движения за создание законодательства, охраняющего культурный слой древних городов. В 1969 г. городские власти Новгорода приняли беспрецедентное постановление «Об охране культурного слоя Новгорода», в силу которого запрещались в пределах распространения средневекового культурного слоя земляные работы без предварительного археологического изучения участка. Спустя два года правительственным решением этот статус был распространен на 115 античных и средневековых городов, жизнь в которых продолжается и сегодня. Как любое постановление, затрагивающее хозяйственные и финансовые интересы многих лиц и организаций, далеких от интереса к истории, оно выполняется далеко не безупречно, однако во многих случаях уже способствовало защите интересов науки.

Методическое значение открытия берестяных грамот

Открытие в Новгороде в 1951 г. берестяных грамот обозначило новые перспективы его изучения, позволив прочно сомкнуть традиционный для археологии метод реконструкции исторического процесса по материальным остаткам прошлого со всем корпусом средневековых письменных источников. Значение берестяных грамот будет увеличиваться с расширением раскопок. С момента открытия до конца полевого сезона 1992 г., то есть за 41 год, в Новгороде найдено 745 берестяных документов.¹ Подсчет же еще не открытых грамот, основанный на характеристике состояния культурного слоя и его сохранности в разных районах Новгорода, дает ошеломляющую цифру — более 20 тысяч берестяных текстов. Древнейшая из найденных грамот относится к первой половине XI в., позднейшая — к середине XV в., когда береста в обиходе была вытеснена массовым распространением бумаги. В те же годы берестяные документы были найдены еще в восьми древних русских городах: 26 в Старой Руссе, 15 в Смоленске, 8 в Пскове, 2 в Твери, 2 в Звенигороде Галицком на Украине, по одной в Витебске, Мстиславле (оба последних города — в Белоруссии) и Москве.

Жанровое разнообразие этих документов исключительно велико. Их тексты включают хозяйственные распоряжения и политические донесения, судебные казусы и бытовые просьбы, крестьянские жалобы и технологические рецепты ре-

месленников, школьные упражнения и заказы художнику на изготовление икон, любовную записку и сообщение о смерти близкого человека, ростовщические записи и списки налогов, заговоры против лихорадки и записи молитв... Находка любой берестяной грамоты — не только существенное научное открытие, но и эмоциональный стресс, волнующий акт «оживления» давно умершего и забытого всеми человека, от которого, казалось, не могло сохраниться никакого воспоминания даже во времена его прямых правнуков и праправнуков.

Обычно массовое обнаружение в Новгороде берестяных документов рассматривается как свидетельство высокого уровня грамотности средневекового человека. Разумеется, это так; тем более внушительным это открытие стало потому, что вплоть до 1951 г. в науке бытовало устойчивое мнение о почти поголовной неграмотности населения древней Руси. Однако значение находки берестяных грамот много шире отмеченного свидетельства. Самая существенная их особенность состоит в их неотделимости от того археологического комплекса, из которого они происходят. Давно уже стало привычным сравнение открытия берестяных грамот с открытием папирусов. Как папирусы для истории эллинистического Египта приоткрыли живую картину человеческих отношений в сфере житейской повседневности, так и берестяные грамоты смогли осветить такие сферы древней жизни, какие не находили отражения в традиционных источниках. Однако папирусы находят, как правило, во вторичном использовании, вне связи с породившим их конкретным жилым комплексом. Берестяные же грамоты составляют неотъемлемую часть почти каждой средневековой усадьбы Новгорода, сохраняя связь со всеми прочими сохранившимися на ней предметами.

Поэтому документы на бересте стали способом персонификации исследуемых усадеб. Прежде археология при характеристике изучаемых ею объектов оперировала такими обобщенными терминами, как «жилище зажиточного человека», «мастерская ремесленника-ювелира» (без возможности установить, был ли этот ювелир свободным или вотчинным ремесленником), «погребение воина-торговца» и т. д. Повторные находки в пределах одной и той же усадьбы берестяных документов, адресованных одним и тем же лицам, определяют этих лиц как владельцев или жителей усадьбы, социальные характеристики которых проявляются при сопоставлении данных самих грамот со всей совокупностью материальных остатков усадьбы (ее застройкой,

величиной, хозяйственной структурой, инвентарем). Примером такого комплексного изучения одной усадьбы может служить монография, посвященная усадьбе новгородского художника рубежа XII — XIII вв. Олисея-Гречина.²

Топографическое изучение грамот позволяет выяснить характер взаимоотношений адресатов грамот с их соседями, а изучение этих документов по хронологической вертикали открывает неизвестные ранее генеалогические связи жителей усадеб с их предками и потомками. Так, при раскопках на Неревском конце в 1951 — 1962 гг. стало возможным восстановить историю семи поколений боярской семьи Мишиничей, представители которой неоднократно стояли во главе Новгородской боярской республики, а также установить их родственные связи с другими знаменитыми в истории Новгорода людьми.³

Благодаря массовым находкам берестяных грамот исследования Новгорода перестали быть чисто археологическими. Берестяные грамоты стали прочными мостиками, ведущими из глубины раскопа в летописный рассказ. Они сомкнули специфические цели археологии с задачами общеисторического и конкретно-исторического характера, считавшимися до сих пор уделом исследователей, работающих исключительно над изучением письменных источников. И сама программа археологической экспедиции в Новгороде потребовала коренной перестройки, поставившей на первое место в археологическом исследовании такие проблемы, как возникновение Новгорода, формирование и развитие в нем социальной структуры и административного устройства, причины и способы возникновения республиканской государственности, основы возникновения боярства как правящего сословия, оценка степени демократизма «вечевого строя», вопрос о роли норманнов в формировании русской государственности и культуры. Рассмотрим некоторые из этих важных проблем.

Боярская усадьба — основная структурная ячейка Новгорода

Любопытные материалы для характеристики городского боярского хозяйства и вотчинного ремесла дает топографический анализ находок берестяных грамот. Исследование широкой площадью групп соседствующих усадеб с персонификацией каждой из них позволило установить в ряде случаев клановый характер городского боярского землевладения в средневековом Новгороде. Выяснилось, что значительные участки города составляли наследственную собственность крупных боярских родов: владельцы таких сосед-

ствующих усадеб вели происхождение от одного общего предка. Впервые такая структура была выявлена при раскопках 1951 — 1962 гг. на Неревском конце, где не менее десяти расположенных на одном участке больших дворов (в среднем величиной около 1.200 — 1.500 кв. м каждый) принадлежали потомкам знаменитого в новгородской истории боярина рубежа XIII—XIV вв. Юрия Мишинича. Хотя генеалогия этого рода не может быть прослежена глубже указанной даты, однако сам объем участка и стабильность его планировки, неизменной с X в., свидетельствуют о глубокой древности подобной структуры.⁴

Сходная картина наблюдается при раскопках большого участка в Славенском конце, принадлежавшего предкам и потомкам боярина Федора Тимофеевича, который жил в конце XIV — начале XV вв.⁵ Но наиболее важные материалы были собраны во время раскопок в Людине конце Новгорода, начатых в 1973 г. и планируемых к продолжению еще в течение достаточно длительного срока. Здесь аналогичная структура кланового боярского землевладения в городе зафиксирована для XII в., когда значительный участок, включающий не менее семи усадеб, принадлежал знаменитой в Новгороде боярской семье потомков Несды — Внезду и Мирошке с их нисходящими.⁶

Такой способ организации городского владения не только делал его экономически устойчивым (боярские усадьбы не меняют своих границ на протяжении X—XV вв.), но и позволял создавать замкнутую систему самодовлеющего (автаркического) хозяйства. Практически на каждой боярской усадьбе также имела какая-либо ремесленная мастерская, но в пределах такого клана большая боярская семья имела возможность располагать исчерпывающим набором разных производств, которые в то же время обладали очевидной товарностью, прочно связывая владельцев усадеб с городским торгом, на котором реализовывалась избыточная продукция.

В то же время такая система, способствуя боярской консолидации, решительно препятствовала консолидации ремесленников по профессиональному признаку. В Новгороде не возникло цеховых организаций ремесленников. Участие мастеров разных производственных профилей в единой экономической организации боярского клана становилось для этого непреодолимым препятствием. Особо остановиться на этом вопросе пришлось потому, что ряд авторитетных историков упорно внедряли в литературу умозрительный тезис о наличии в средневековой Руси ремесленных цехов.⁷

Экономическая основа формирования Новгородского боярства

Раскопки последних лет поставили перед исследователями Новгорода непростую проблему экономической основы происхождения боярской республиканской государственности. Долгое время такой проблемы не существовало. Предполагалось, что с образованием общерусской столицы в Киеве в конце IX в. правившие в Новгороде князья, будучи по своему положению преемниками киевской власти в случае смерти правящего в Киеве князя (в Новгород обычно назначался княжить старший сын киевского правителя), не проявляли интереса к новгородским землям, постоянно обращая взоры лишь в сторону вожденного Киева, что создавало возможность беспрепятственного захвата новгородских общинных земель местной аристократией — боярством.

Однако в последние годы благодаря совокупному изучению источников, в числе которых не последнее место занимают берестяные грамоты XI—XII вв., было выяснено, что образование частной земельной собственности бояр, возникновение вотчинной системы только начинается в первой четверти XII в., то есть тогда, когда новгородское боярство уже добилось заметного перевеса над князем. То, что считалось следствием, обернулось причиной. Именно политические успехи бояр в их борьбе с князем привели к созданию вотчинной системы, достигшей кульминации лишь к XIV в.⁸

На чем же основывались успехи бояр в более раннее время? Из летописного рассказа известно, что существенных преимуществ новгородское боярство добилось уже в первой половине XI в., при князе Ярославе Мудром, который «дал новгородцам Правду и Устав».⁹

Естественно, пути решения этой проблемы возможно искать исследованием археологических комплексов X—XI вв. И первая неожиданность, подстерегающая здесь исследователя, состоит в том, что способ организации и хозяйствования в родовых боярских кланах начала X в. оказывается точно таким же, каким он предстает в этих кланах в XIV и XV вв. Если в XIV в. городская усадьба боярина была центром поступления продукта сельского хозяйства из его обширных вотчин, порой расположенных за сотни километров от Новгорода, и местом переработки этого продукта, а также его реализации на основе эксплуатации вотчинного ремесла, то и в X в. в самых ранних слоях городских бояр-

ских усадеб обнаруживаются такие же ремесленные мастерские, те же наборы жилых и хозяйственных построек. Как уже отмечено, даже частокотлы усадеб, поставленные на их пограничных линиях в начале X в., возобновляются на тех же линиях вплоть до конца новгородской независимости, утраченной в 1478 г. Возникновение вотчинной системы в XII в. никак не проявляется в характеристиках богатых городских усадеб. Поэтому возможно предположить, что и в X—XI вв. землевладение было основой боярской экономики, осуществляясь в каких-то иных, не частновладельческих формах.

Возможность решить эту проблему дали ранние берестяные грамоты и замечательная группа необычных находок, которые на протяжении тридцати лет оставались совершенно загадочными. Речь идет о деревянных цилиндрах (их найдено уже одиннадцать; последний — в 1991 г.) странной формы, со взаимоперпендикулярными сквозными пересекающимися каналами. На поверхности этих цилиндров в ряде случаев изображены геральдические знаки — тамги князей и вырезаны надписи; вот четыре из них: «Емца гривны 3», «Княже», «Мечницъ мех в тех метях Половчехъ» (Мешок мечника Полотвицы под этой меткой), «В Пинеге 3 тысячи». У некоторых цилиндров короткий (поперечный) канал забит деревянной расклиненной пробкой, практически неизвлекаемой. Упоминание в одной из надписей «меха», то есть мешка, и наличие пробок позволило понять, что эти цилиндры служили как бы замками-пломбами, надежно запирающими завязки мешков с ценностями. Процесс использования цилиндра представляется следующим. Концы веревки или кожаного ремешка, продернутых через холстину мешка, завязывались узлом, туго стягивая горловину мешка. Свободные концы веревки вводились после этого с двух сторон навстречу друг другу в продольный канал цилиндра и уже вместе выпускались наружу через поперечный канал. Затем эти концы связывались еще одним узлом, который убирался внутрь цилиндра, оставаясь на линии поперечного канала (выходящие наружу концы веревки позволяют фиксировать его в нужном положении). Последняя операция — введение в поперечный канал деревянной пробки и расклинивание ее. Концы веревки могут быть обмотаны вокруг цилиндра, следы чего прослежены в двух случаях. Закрытый таким образом мешок можно открыть только двумя способами — или разрезав веревку, или расколов цилиндр. Иными словами, он надеж-

но гарантирует сохранность и неприкосновенность узла, а следовательно, и содержащихся в мешке ценностей.

Каких же? «Емец» или «мечник» (это одно и то же) — лицо, уполномоченное князем для сбора податей с населения. Согласно древнейшему русскому писанному закону «Русская Правда» (XI в.), эти подати самой общиной, с которой они взимались, распределялись на три части. Самая большая шла князю (то есть в доход государству), десятая часть («десятина») — церкви (а до принятия христианства, надо полагать, — жрецам), но определенная законом доля полагалась и самому сборщику. Надписи на цилиндрах и указывают, кому принадлежал запечатанный таким цилиндром-пломбой мешок. Справедливость раздела податей, по-видимому, контролировалась в самом Новгороде, когда эти цилиндры отрезались и выбрасывались.¹⁰

Если бы сбор податей поручался только княжеским дружинникам, приходившим с князем из Киева и составлявшим его двор, то цилиндры, естественно, можно было бы находить только на княжеском дворе. Однако те, которые уже найдены (за единственным исключением), обнаруживались в разных районах Новгорода на территории тех усадеб, которые в позднейшее время известны как дворы богатейших бояр; три найдены там, где в конце XII в. жил знаменитый новгородский посадник Мирошка Несдинич, два — там, где в XIV в. жили бояре Мишиничи, шесть поколений семьи которых давали Новгороду посадников — руководителей боярской республики.

Однако почти все цилиндры найдены в слоях XI и даже X века, то есть относятся к тому времени, когда предки этих знаменитых бояр еще не владели вотчинами. В этот период они, следовательно, принимали активное участие в сборе государственных доходов и в контроле за ними, а сама земельная собственность, бывшая экономической основой государства, таким образом, была корпоративной. Определенная часть доходов оставалась в руках верхушки местного общества, постепенно увеличивая материальную базу боярства.

Изложенный здесь вывод достаточно ответственен. Ему может быть противопоставлено выражение: а не могло ли на исследованных усадьбах в какой-то момент произойти принципиальной смены владельца? Ведь, может быть, мечник Полотвица принадлежал к киевской дружине, тем более что обнаруженные на его усадьбе многочисленные предметы вооружения и конского снаряжения ока-

зываются яркими свидетельствами дружинного быта жителей этой усадьбы, а в XII в. той же усадьбой владел новгородский боярин Мирошка, отнюдь не бывший потомком Полотвицы. Рассмотрим в этой связи некоторые находки последних лет.

Принадлежность всей группы усадеб, расположенных на древней Черницыной улице Людина конца, на рубеже XII—XIII вв. боярину Мирошке Несдиничу засвидетельствована несколькими берестяными грамотами, адресованными ему или касающимися его посаднической деятельности. Мирошка стал героем боярского Новгорода потому, что он не боялся отстаивать новгородские привилегии перед лицом самого могущественного русского князя той поры — владимиросудальского властелина Всеволода III Большое Гнездо, который даже два года продержал Мирошку у себя в заключении, безуспешно пытаясь добиться от него уступки в требованиях. Рядом с раскопанным участком в старину находилась упраздненная в XVIII в. церковь Святого Образа, инициатором перестройки которой в 90-х гг. XII в. был родной брат Мирошки Внезд Несдинич.¹¹

Отец Мирошки и Внезда — Несда — известен летописцу как «бирич», судебный исполнитель, то есть лицо совместной княжеско-посадничьей администрации. Он был убит в 1167 г.¹² Об отце Несды и других его предках источники молчат, но во время раскопок 1983 г. на той же усадьбе в слоях начала XII в. была найдена весьма знаменательная берестяная грамота № 613. Она дошла до нас в виде небольшого обрывка, который, к счастью, сохранил имя адресата — Ставра. Единственный известный источник новгородец Ставр фигурирует в летописи под 1118 годом как «сотский», то есть несомненное лицо княжеской администрации, но его отношение к князю весьма двусмысленно. В указанном году киевский князь Владимир Мономах разгневался на Ставра, вызвал его в Киев и заточил в тюрьме.¹³ Живые подробности этого конфликта народная память сохранила в былинах о новгородском боярине Ставре Годиновиче. Герой этой былины Ставр хвастается, что «в Новгороде живет он хозяином», и издевается над киевскими княжескими боярами:

Ой, глупые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом...
А что это за ограда во Киеве
У ласкового князя Владимира?
У меня ли, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева.¹⁴
Несмотря на службу князю Ставр ха-

рактеризуется былиной как представитель, в первую очередь, боярского Новгорода, противопоставивший себя князю. Возникшая перед нами цепочка имен, ранние представители которой, будучи новгородцами, состоят на княжеской службе, а поздние руководят боярской антикняжеской политикой, хорошо сочетается с вышеизложенным выводом об участии местной аристократии Новгорода в контроле за государственными доходами и в их освоении.

Участие новгородского боярства в сборе государственных доходов продолжается и в вотчинный период на тех землях, которые составляли пояс внешней колонизации Новгорода и назывались «новгородскими волостями». По договорам Новгорода с приглашаемыми в него князьями в XIII—XV вв. вход княжеских чиновников в «новгородские волости» был запрещен, а доходы таких территорий с населения в княжескую казну можно было собирать только новгородцам. В 1990 г. в Новгороде была найдена берестяная грамота № 718, в которой содержатся сведения об объеме доходов в пользу князя и в пользу сборщиков за четыре года с одной из таких территорий — Бежецкого Верха (в восточной части Новгородской земли). Летопись позволяет установить, что сбор доходов сразу за четыре года в силу возникших тогда политических и военных обстоятельств был осуществлен только однажды — в 1229 г.,¹⁵ к которому и относится этот документ. Но найден он был при раскопках на боярской Прусской улице, а не в княжеской резиденции.

Обнаруженный в 1991 г. деревянный цилиндр-пломба с княжеским знаком и надписью «В Пинеге 3 тысячи» (подразумевается сумма в 3 тысячи белок) свидетельствует о доставке государственной подати с реки Пинеги на крайнем севере новгородских владений, то есть с территории, куда уже на рубеже XII—XIII вв. был запрещен доступ княжеским чиновникам. Этот цилиндр найден в слоях рубежа XII—XIII вв. на усадьбе бояр Несдиничей.

Доля сборщика доходов, разумеется, не исчерпывала объем обогащения сборщика. Наличие на усадьбах бояр до вотчинного периода ремесленных мастерских позволяет понять действие механизма главного источника боярского процветания. Сбор доходов с сельской округи осуществлялся в натуральном виде: эквивалентом денежной нормы налога было определенное количество сырого сельскохозяйственного продукта. Поступая на усадьбу сборщика, этот продукт подвергался переработке, превра-

щению в товар, что влекло за собой резкое увеличение его цены. Между тем в княжескую казну уходил лишь эквивалент денежной нормы, тогда как разница между ценой обработанного продукта и исходным продуктом оставалась в кармане сборщика, хотя эта разница могла превышать цену исходного продукта. Переход к вотчинной системе начался тогда, когда в новгородских землях широко распространился западноевропейский серебряный денарий, уплата налога которым лишала сборщика привычной прибыли, так как сбор в серебре целиком уходил в княжескую казну. Однако описанная процедура была не единственным источником обогащения раннего боярства. Как показало изучение берестяных грамот, право сбора государственных доходов уже в этот начальный период было закреплено за отдельными семьями, которые контролировали поступление податей с определенных территорий, порой далеко отстоящих друг от друга. Сборщики податей поэтому приобретали особую мобильность, используя ее для эксплуатации денежного обращения. Органичной частью их деятельности стало ростовщичество. Весьма показательна берестяная грамота № 526, относящаяся к 80-м гг. XI в. Запечатленный в ней размах ростовщической деятельности поразителен. Паутина ростовщических операций одного из предков посадника Мирошки Несдинича охватывает практически всю территорию тогдашней Новгородской земли. Его должники живут на реках Луге и Шелони (в 50—100 км к западу и к юго-западу от Новгорода), в Русе (теперешний город Старая Русса в 100 км к югу от Новгорода) и на озере Селигер (в 160 км к югу от Новгорода)... Для столь раннего времени, которое привычно характеризуется господством автаркического хозяйства, такая мобильность кажется сверхъестественной. Но она вполне понятна на фоне той подвижности, которая была свойственна системе сбора государственных доходов.¹⁶ Участие бояр в этой системе хорошо подтверждается многочисленными упоминаниями ростовщических действий в ранних берестяных грамотах XI—XII вв.

Таким образом, боярство Новгорода формируется в недрах ранней государственности как сословие, обладающее правом участия в государственной деятельности и государственных доходах. Сама эта деятельность и укрепляет, и консолидирует местную верхушку общества, давая ей средства и возможность борьбы с княжеской властью. Сопrotивление князю усиливается на протяжении XI в., к концу этого столетия возникают

особые формы боярской власти — посадничество, а с возникновением вотчинной системы на рубеже XI—XII вв., экономический базис боярства укрепляется в такой степени, что уже возникшее двоевластие князя и бояр в результате успешного антикняжеского восстания 1136 г. окончательно преобразовывается в республику бояр, в которой князь оказывается подконтрольным посаднику.¹⁷

Некоторые замечания в связи с «норманнской проблемой»

Изложенные наблюдения ставят перед исследователями Новгорода еще одну серьезнейшую проблему. Государственный механизм Новгородской республики, ее «вечевой строй», в XII в. не основывается на захвате институтов княжеской власти. Он противостоит им, явно развивая основы специфической государственности, которые восходят к древним формам общественного устройства — народному собранию (вечу) и племенным старейшинам (посадникам). Это обстоятельство тесно связано с пресловутой «норманнской проблемой», занимавшей умы историков на протяжении двухсот лет и носившей больше политический, нежели научный характер. По воззрениям крайних норманистов, основы государственности, правопорядка и культуры на Руси были впервые заложены приглашенным из Скандинавии князем Рюриком. Мы видим, однако, что традиционные формы «вечевой» государственности оказались в Новгороде более жизнестойкими, чем привнесенная княжеская власть.

Проблемы культурного состояния средневекового Новгорода нам доведется коснуться ниже. Что же касается правопорядка, то сомнения в его раннем существовании исходили, главным образом, из следующих фактов. Во-первых, в формуле призвания варяжского князя новгородцами имеются слова «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет», в которой слово «наряд» толковалось как «правопорядок». Во-вторых, основы русского процессуального кодекса известны из исключительно позднего юридического памятника — «Псковской судной грамоты» XV в. В-третьих, древнейший писанный закон «Русская Правда» возникает только в первой половине XI в. Предполагалось, что основные нормы этого закона, в том числе замена кровной мести системой штрафов в пользу государства, формируется только с принятием Русью христианства в конце X в., а до того господствовало обычное право, исходящее из принципа кровной мести и ком-

пенсации ущерба только самому потерпевшему.

Между тем в ходе раскопок Новгорода была обнаружена берестяная грамота № 531, относящаяся к концу XII в. и подробно описывающая сложное судебное дело. В этом документе применены именно те нормы судебного процесса, которые до того были известны лишь по памятнику на два века более позднему, из чего следует, что сами эти нормы формировались достаточно давно и лишь случайно не отразились в ранее известных древних текстах.¹⁸ Уже упомянутые цилиндры сборщиков податей своими надписями отражают действительность системы штрафов, известной по «Русской Правде», однако два таких цилиндра обнаружены в напластованиях 70-х гг. X в. Из этого следует, что и до принятия христианства, состоявшегося в конце 80-х гг. X в., русский правопорядок был принципиально сходен с позднейшим. Очевидно также, что слово «наряд» в формуле приглашения варяжского князя не означает «правопорядка», а может быть переведено как обозначение порядка в общем смысле этого слова — состояния общества, потребовавшего вмешательства третьей силы, третейского судьи, нейтрального по отношению к соперничающим друг с другом частям взбудораженного общества.

Проблема происхождения Новгорода

Логика изложения позволяет перейти теперь к рассмотрению новых подходов к сложнейшей проблеме происхождения Новгорода. Эта проблема, занимающая исследователей на протяжении более двухсот лет, была поднята заново не только на основе теории, но и исходя из потребностей археологической практики. После обнаружения берестяных грамот и установления очевидной повсеместной ценности культурного слоя Новгорода и принятия уже упомянутого постановления «Об охране культурного слоя» в программу археологической экспедиции в качестве прямой и первоочередной ее обязанности была включена охранная задача. На протяжении последних десятилетий планы очередных раскопок составляются на основе градостроительных решений. Раскопки ведутся там, где намечается возведение новых зданий. Такой модус работы археологов в древних развивающихся до сегодняшнего дня городах неизбежен. Более того, он остается неизбежным на протяжении длительного времени. А если это так, то археологам надо лучше использовать те преимущества, которыми оборачивается в данном случае кажущаяся стихийность формирования научной программы. Эти преимущества — в мобильности, широком маневре, возможности проникновения во все районы древнего города и сравнении результатов такого проникновения для получения более аргументированных выводов. Неизбежным главенствующим направлением при новой манере работ оказывается исследование комплекса историко-топографических задач.

Уже в первые годы работы в новых условиях продемонстрировали трудности взаимоотношений археологической экспедиции и градостроителей. От археологов всякий раз при отводе под застройку очередного участка требовался точный ответ о сроках раскопок на месте отвода. Определить такие сроки возможно, лишь зная толщину культурного слоя в месте будущих работ. Установившаяся прочная связь археологии и текущего строительства позволила ввести в число опорных документов и археологии, и градостроительства данные о состоянии культурного слоя, полученные в ходе геологического бурения, которое ведется для расчета строительных фундамента. Эти данные обобщены на чертеже, показывающем толщину культурного слоя в разных районах города.

Задуманный в чисто практических целях, этот чертеж оказался и драгоценным документом, информирующим о динамике градообразующего процесса в Новгороде на протяжении многих столетий. Остановимся на характеристике одной древней историкографической традиции. Средневековым городам было свойственно развиваться постепенно от какого-то первоначального ядра, из века в век расширяясь и достигая с течением времени больших размеров. И хотя в первой половине XII в. новгородец Кирик сравнивал рост знания с ростом города («Как понемногу создается город и делается большим, так и знание понемногу растет»),¹⁹ то есть отразил такую закономерность и для Новгорода, этот город в трудах историков и археологов всегда оказывался исключением из этого правила. Общим местом давно уже сделалось представление о том, что он достиг своих предельных размеров уже в первый период своего существования. Знаменитый земляной вал Новгорода («Окольный город»), общая длина которого достигает почти 10 км, принято было относить ко времени не позднее XII в. Это представление сочеталось с мыслью о том, что Новгороду («Новому Городу») предшествовал некий «Старый Город», откуда большой массив населения перешел на новое место, сразу освоив всю территорию, зак-

люченную в пределах новгородских валов. Нет необходимости останавливаться на безуспешных археологических поисках такого «Старого Города» в Старой Ладоге, Старой Руссе, на Городище под Новгородом. Сосредоточимся на результатах исследований в самом Новгороде.

Вызванный новыми условиями работы широкий маневр позволил познакомиться с различными, теперь уже многочисленными участками города. При этом слои X в. были обнаружены только в трех местах: на Неревском раскопе 1951—1962 гг., на древней Михайловой улице Славенского конца в 1970 г. и в Троицком раскопе на Людине конце 1973—1991 гг. Еще в трех случаях древнейшими были слои XI в. На всех остальных раскопанных участках самые ранние напластования относятся к XII и более поздним столетиям. Уже это наблюдение заставляет расстаться со старой привычной концепцией и сделать вывод, что Новгород XI в. по своим размерам был во много раз меньше, нежели более поздний, а город X в. — меньше города XI в.

Эти данные заставили М. Х. Алешковского предпринять новый анализ письменных источников проблемы и высказать уверенность в том, что в течение многих десятилетий историческая наука пользовалась ложной датировкой валов Окольного города.²⁰ Раскопки, предпринятые для проверки этой мысли, особенно в 1972 г., установили, что Окольный город Новгород в действительности был сооружен в конце XIV — начале XV вв. Этапы строительства удалось выразить в абсолютных датах, которые были получены с помощью дендрохронологии и полностью совпали с летописными показаниями.²¹ Прежде такие показания, хорошо известные исследователям, признавались свидетельством каких-то позднейших перестроек. Теперь выяснилось, что это свидетельства изначальных фортификационных работ. Надо отметить, что раскопки прояснили загадку одного, еще довоенного археологического открытия. Тогда, в 1932 г., была обнаружена погребенная в толще культурного слоя каменная городская стена, построенная в 1335 г., положение которой на плане города казалось бессмысленным: она стоит внутри жилых кварталов.²² Теперь стало понятным, что в свое время стена ограничивала сложившуюся к концу первой трети XIV в. городскую территорию, но уже спустя полстолетия застройка выплеснулась за нее и потребовала сооружения иной фортификации на новой линии.

Итак, территория Новгорода формировалась постепенно, и одной из задач археологов оказывается создание последовательной картины его сложения. У нас пока мало данных, чтобы привести на плане города его границы в X в., в XI в. и т. д. Однако некоторые ориентиры в предварительном порядке могут быть продемонстрированы и сегодня. Существует определенная, хотя и не всегда прямая, зависимость толщины культурного слоя от продолжительности его существования. Иными словами, чем толще культурный слой, тем, как правило, больше времени требовалось для его отложения. Следовательно, участки древнейшего Новгорода надо искать там, где слой отличается наибольшей мощностью. На чертеже состояния культурного слоя Новгорода, составленном на основании данных геологического бурения, хорошо видны участки с наиболее толстым культурным слоем. Именно в их пределах обнаружены и древнейшие прослойки X в., о которых речь шла выше. Чертеж наглядно показывает, что такие участки не образуют монолитного ядра. Напротив, они далеко отстоят друг от друга. Если сравнить их расположение со схемой административного устройства Новгорода XIV—XV вв., станет очевидно, что они соответствуют трем районам древнего Новгорода — Славенскому, Неревскому и Людину концам. Известно, что концов в Новгороде было пять. Однако анализ письменных источников давно уже позволил установить, что еще в XII в. концов было четыре (Загородский конец оформился как административно-политическая единица лишь в конце XIII в.), а до третьей четверти XII в. их было только три (Плотницкий конец возникает лишь около 1168 г.).²³ На позднее возникновение жилой застройки в Загородском и Плотницком концах указывает, в частности, и отсутствие в них приходских церквей, построенных ранее XIII—XIV вв.

Приведенные материалы дают возможность — правда, в самом первом приближении — подойти к проблеме возникновения Новгорода. Эта проблема необычайно сложна, чему имеются особые причины. До сих пор древнейшие прослойки, исследованные в Новгороде, датируются первой половиной X в. Между тем возникновение Новгорода летописной легендой о призвании Рюрика отнесено ко времени, на полстолетия более раннему. Летопись излагает это событие под 862 или 859 г.²⁴ Поначалу такое несоответствие не казалось сколько-нибудь существенным. Поскольку общий объем исследованных участков го-

рода составил примерно 2 проц. относительно всей его площади в средневековье, перспектива поисков более ранних слоев второй половины IX в. казалась безграничной. Между тем выяснение особенностей схемы мощности культурного слоя на территории всего Новгорода полностью развеяло эти надежды. Очевидным стало, что поиски древнейших участков города возможно вести только в пределах тех трех изначальных ядер Новгорода, которые проявились на этой схеме, то есть в пределах Людина, Неревского и Славенского концов. Вот что дает анализ существующих материалов.

Людин конец. Историческое ядро этого района расположено на территории южной части кремля (Детинца) (она была включена в Детинец лишь в 1116 г., когда князь Мстислав Владимирович «заложил Новгород больше первоначального»²⁵) и на прилегающем к Детинцу участке, где в настоящее время находится Троицкий раскоп. Территория Троицкого раскопа отделена от Детинца узкой археологически бесполезной полосой уничтоженного кремлевским рвом 1116 г. и рвом Земляного города 1582 г. культурного слоя. Древнейшие прослойки на Троицком раскопе датируются первой половиной X в. В южной части Детинца в ходе раскопок 1938 г. в предматериковом слое был обнаружен кожаный кошелек с весами, гирьками и подражанием саманидской монете второй половины X в.,²⁶ что датирует указанным временем начало отложения культурного слоя в этой части Людина конца. Таким образом, наличие в нем напластований IX в. исключено.

Неревский конец. Раскопки 1951—1962 гг. были произведены в историческом ядре района. Древнейшая уличная мостовая здесь датируется 954 годом, однако ниже ее залегает слой толщиной около 40 см, который относится к первой половине X в. Наличие прослоек более раннего времени здесь также исключено. Если допустить, что территория, занятая первоначальным Детинцем (то есть северная часть современного кремля), поначалу входила в Неревский конец, то и здесь нет возможности надеяться на обнаружение слоев IX в.; в ходе раскопок в 1985 г. на этой территории были обнаружены непосредственно на материке остатки сруба, который данными дендрохронологии датируется 962 годом.²⁷

Славенский конец. В пределах древнейшего ядра этого района были произведены в 1970 г. раскопки на Михайловой улице. Ее древнейший настил датируется 974 годом, а древнейшие куль-

турные напластования 60-ми гг. X в.²⁸ Севернее этого участка в Славенском конце имеется сравнительно небольшой квартал, культурный слой в котором достигает несколько более значительной мощности, нежели на Михайловой улице, однако он включает в себя территорию Немецкого двора и церкви св. Иоанна у Немецкого двора; следовательно, вряд ли он обладал заметной жилой застройкой до возникновения Немецкого двора в XII в.

Возможно из приведенных наблюдений извлечь и общее представление об определенном этапе в становлении Новгорода как города. Древнейшие уличные настилы появляются в Людином конце в 40-х гг. X в., в Неревском конце — в 50-х гг., а в Славенском конце в 70-х гг. того же столетия. Это значит, что только около середины X в. Новгород впервые обретает устойчивую усадебную застройку и системы уличного благоустройства, то есть в нем возникают черты, делающие его городом. Столь поздняя дата становления важнейших элементов городской жизни решительно противоречит надежде отыскать в нем напластования IX в. В IX в. Новгорода еще не было.

Однако и те три древнейших поселка, которые стали известны в результате археологических раскопок и были основой позднейших Людина, Неревского и Славенского концов, в X и первой половине XI вв. Новгородом не назывались. Обращение к летописной терминологии обнаруживает, что обозначение «Новгород» на первых порах применялось исключительно к Детинцу, кремлю, то есть к общему укреплению трех древнейших поселков, которые и создали его как единую, объединяющую фортификацию. Лишь с течением времени это название распространилось на весь город, когда расширение первых поселков, первоначально разделенных пустыми пространствами, привело их к слиянию. Поэтому важно выяснить время сооружения древнейшего Детинца.

Долгое время в исторической литературе господствовала уверенность в том, что именно Новгород скрывается за термином «Невогард» («Немогард») в написанном в 948—952 гг. сочинении византийского императора Константина Порфирогенета «Об управлении империей»,²⁹ хотя сомнения в таком отождествлении появлялись у некоторых исследователей. Археологическое изучение фортификаций северной (древнейшей) половины новгородского Детинца, проведенное в 1957 и 1959 гг. М. Х. Алешковским, а в 1985 г. М. А. Вороновой установило, что первоначальные дубовые

укрепления Детинца были сооружены в 1044 г., о чем летопись сохранила прямое свидетельство.³⁰ Только к этому времени, следовательно, возможно относить возникновение самого термина «Новгород». Так стали называть сооруженный в середине XI в. Детинец, противопоставляя его предшествовавшим городкам, которые носили иные названия. Мы можем только догадываться, что имена двух городков западной (позднее — Софийской) стороны были созвучны уже известным нам наименованиям соответствующих концов Людина и Неревского. Более определенное мнение уместно высказать относительно городка восточной (позднее — Торговой) стороны. В позднейшее время он назывался «Славенский конец», или просто «Славно», или «Славенский холм», или же просто «Холм», что в сочетании с термином «город» полностью соответствует обозначению Новгорода в скандинавских сагах — «Холмгардр».³¹

Политический механизм возникновения Новгорода

Вопрос о первоначальном Детинце дает небольшую основу и для изучения политической структуры Новгорода в ранний период его существования. Историю Новгородского государства принято было разделять традиционным рубежом 1136 г. на «княжеский» и «республиканский» периоды. Согласно такой периодизации, в X — начале XII вв. Новгород был княжеским городом, мало чем отличающимся от других центров русских княжеств того времени. Между тем существуют бросающиеся в глаза особенности, которые препятствуют такой трактовке. И первое из этих обстоятельств — местоположение в Новгороде княжеской резиденции.

Хорошо известно, что княжеская резиденция в XII—XV вв. находилась в местности, называемой «Городище», в 3 км выше Новгорода на правом берегу Волхова. В самом же городе с местопребыванием княжеского двора связана территория правого берега, против расположенного на левом берегу Детинца, по соседству с Торгом, носящая название «Ярославово дворище» (то есть буквально «бывший двор Ярослава»), где в эпоху расцвета республиканской государственности собиралось городское вече. Сопоставление изложенных обстоятельств породило незатейливую, однако, в высшей степени спорную гипотезу, которая получила широкое распространение: во времена Ярослава Мудрого княжеская резиденция была устроена в самом городе, на Ярославовом дворище,

но в результате восстания 1136 г. князя из Новгорода были выселены на Городище, а переход Ярославово дворища под юрисдикцию боярской республики был символизирован тем, что на месте княжеской резиденции утвердился высший орган боярской республики.³²

Что касается времени более раннего, чем эпоха Ярослава Мудрого, то относительно местоположения княжеской резиденции было высказано два диаметрально противоположных мнения. Согласно первому из них, такой резиденцией был Детинец. В ряде позднейших документов Детинец подразделен на две половины — северную «епископскую» и южную «княжескую»; в последней и пытались локализовать древнейшую княжескую резиденцию. Согласно второму мнению, такой изначальной резиденцией было Городище. Уже в XIX в. этот пункт местные новгородские историки стали упорно именовать «Рюриковым Городищем»; указанное название в научной литературе сделалось традиционным. В то же время, утвердившееся в той же литературе представление о фантастичности как Рюрика, так и самого факта призвания в Новгород князя из Скандинавии, решительно отвергало мысль о возможности особой княжеской власти в Новгороде IX в. Предполагалось, что этот город возник как фактория Киевского государства, как небольшая крепостица, основанная киевлянами на северных рубежах Древнерусского государства, то есть тогда, когда северная Русь вошла в орбиту киевской власти, а это произошло не ранее рубежа IX—X вв.³³

Рассмотрим противоречия этих гипотез с точки зрения археологических открытий последнего времени. Никакого выселения княжеской резиденции из Новгорода на Городище в 1136 г. не было. После восстания 1136 г. резиденция князя на Ярославовом дворище продолжает существовать, а «Княжеский двор» здесь упоминается в источниках даже XIV в.; правда, городская резиденция князя в этот период не является основной. На Городище резиденция возникает не в 1136 г., а упоминается и в более раннее время; в 1102 г. князь Мстислав Владимирович строит здесь церковь Благовещения³⁴ — первый после Софийского собора (1045—1050 гг.) каменный храм Новгорода. На Городище из года в год находят свинцовые печати — материальный остаток княжеского архива, разгромленного в XVI в. Иваном Грозным. К настоящему времени таких печатей собрано около 2000; древнейшие же из них относятся к концу XI в., когда началось сложение этого комплекса.³⁵ Что ка-

сается ранней резиденции, располагавшейся якобы в южной части современного кремля, то «Княжеской» эта часть стала называться после падения новгородской независимости в конце XV в., когда в ней расположились органы московского великокняжеского управления Новгородом. Сама же эта территория вошла в состав Детинца, как уже отмечено, только в 1116 г., а сам Детинец, как уже нам известно, был впервые сооружен в северной части существующего кремля в 1044 г., то есть в эпоху Ярослава Мудрого, когда в Новгороде княжил его старший сын Владимир.

Окончательную ясность в историю ранней княжеской резиденции Новгорода внесли раскопки на Городище Е. Н. Носова, которые ведутся с 1975 г. В интересующем нас аспекте результаты этих работ привели к следующим выводам. Активное заселение Городища начинается в середине IX в., когда возникшие здесь жилые комплексы с самого начала приобрели ясно выраженную аристократическую окраску и характеризуются наличием очевидной «скандинавской вуали». В отличие от ранних слоев собственно Новгорода, где находки скандинавских вещей случайны и составляют ничтожную, едва различимую долю в славянском вещевом инвентаре, здесь скандинавские предметы ощутимо заметны. При этом не может быть речи о чисто торговом проникновении этих предметов: наличие среди них амулетов с руническими надписями прямо указывает на физическое присутствие скандинавских воинов на Городище, начиная с середины IX в.³⁶ Этот факт в сочетании с аристократическим обликом вещевого инвентаря характеризует исследованные комплексы как княжескую резиденцию. Исторически значительной оказывается начальная дата существования резиденции, совпадающая с летописной датой призвания скандинавского князя, — обстоятельство, превращающее то, что признавалось легендой и тенденциозной выдумкой норманистски настроенного летописца, в достоверный факт истории.

В начале XI в. в жизни Городища наступает заметное затишье, сменяющееся бурным расцветом резиденции в последней четверти XI в. Это затишье сопоставимо с возникновением городской княжеской резиденции в Новгороде при Ярославе Мудром, куда был перенесен центр административной деятельности князя. Однако именно в последней четверти XI в. возникает активное противостояние боярского Новгорода и бывшего киевским ставленником князя, которое привело к первым заметным успехам боярства, создавшего тогда собственный

орган государственной власти — посадничество.³⁷ Это противостояние приводит на рубеже XI—XII вв. к торговой блокаде Новгорода Киевом, прослеживаемой по резкому спаду южных импортов в Новгород,³⁸ а в 1136 г. завершается победой новгородского боярства в ходе знаменитого антикняжеского восстания. Именно указанное противостояние и должно быть признано главной причиной не изгнания князя на Городище, а перенесения административного центра княжеского управления в древнюю княжескую резиденцию, где такой центр оказывается в большей безопасности от политических бурь антикняжеской борьбы.

Однако из всего сказанного возникает и еще один немаловажный вывод. Призвание скандинавского князя новгородцами произошло тогда, когда Новгорода еще не было, когда на его месте еще не поселился ни один житель. Ведь древнейшие слои этого города, как показано выше, датируются временем не ранее рубежа IX—X вв., то есть они на полстолетия моложе первых княжеских комплексов Городища. Кто же и зачем в середине IX в. призвал на берега Волхова скандинавского князя? Летописный рассказ изображает это событие следующим образом: «В те времена, когда в Киеве жили три брата Кий, Шек и Хорив, новгородские люди, называемые Словене, Кривичи и Меря, каждый владел своим родом: Словене свою волость имели, Кривичи свою, Меря свою, а Чудь своим родом владела. И давали дань варягам от каждого мужа по белке; и когда те были у них, то совершали насилие над Словенами, Кривичами, Мерей и Чудью. И востали Словене, Кривичи, Меря и Чудь на варягов и изгнали их за море, и начали сами собой владеть и основывать города. И восстали войной сами на себя, и была между ними великая битва и междоусобица, и встал город на город, и не было в них правды. И сказали они себе: «Поищем князя, чтобы владел нами и судил нас по закону». Пошли за море к варягам и сказали: «Земля наша велика и обильна, а наряда у нас нет; пойдите к нам княжить и владеть нами». И собрались три брата с родами своими, и взяли с собой многочисленную и замечательную дружину, и пришли к Новгороду. И сел на княжение старейший в Новгороде, имя ему было Рюрик, а другой — Синеус — сел на княжение в Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске... Через два года умерли Синеус и брат его Трувор, и принял власть один Рюрик».³⁹

Так изображены события в изложении

летописца начала XIII в. Однако объединяемая понятием «новгородцы» триада «Словене, Кривичи, Меря», дополненная Чудью, неоднократно фигурирует и в древнейшем памятнике русского летописания киевской «Повести временных лет», где, правда, вместо Мери обычно называется Весь (т. е. племя вепсов, обитающих на новгородских землях), таким образом, еще в начале XII в. новгородцы воспринимались как некий союз разноэтничных общностей, в состав которого входили славянские племена новгородских словен и кривичей и угрофинские племена вепсов и мерян (под последними, возможно, скрывается не собственно меря, а норама или нерева, обитавшая на побережье Финского залива), то есть те этнические образования, которые в Новгороде назывались обобщенно «чудскими племенами».

Акт совместного призвания ими князя и запечатленные в летописном рассказе признаки существования политического между ними союза свидетельствуют о сложении к середине IX в. на северо-западе Руси значительной межэтнической конфедерации. Эта конфедерация консолидировалась для отпора варягам, пережила этап становления городской жизни, ощутила угрозу распада из-за начавшихся между ее членами усобиц и сохранила себя, прибегнув к приглашению третьей стороны — власти, не дававшей преимуществ ни одному из членов союза, а уравнивающей их друг с другом.

Это приглашение состоялось еще в тот период, когда участники конфедерации жили дисперсно, когда каждый ее член владел своей волостью, то есть распоряжался особой принадлежавшей ему территорией. Местом политических контактов был еще не возникший Новгород, а какой-то (возможно, не постоянный) пункт, в котором собиралось межплеменное вече. Одним из важнейших актов этого межэтнического собрания племенных старейшин и было призвание князя.

Если приведенные рассуждения справедливы, возможным оказывается понять и механизм возникновения самого феномена Новгорода. Условия приглашения князя остаются действительными лишь до того момента, пока приглашенный князь продолжает осуществлять принятые на себя в силу договора с конфедерацией функции. Момент, нарушивший условия договора, наступил тогда, когда преемник Рюрика, действующий от имени его малолетнего сына Игоря, Олег перевел свою резиденцию в завоеванный им Киев, что по расчетам авто-

ра «Повести временных лет», произошло в 882 г. Уйдя в Киев, Олег «установил дани по всей Русской земле; Словенам, Кривичам, Мери дань давать варягам, а от Новгорода триста гривен в год для поддержания мира».⁴⁰

На место ответственного перед конфедерацией князя встали безымянные варяги, то есть жившая на Городище княжеская дружина, и это изменение государственной ситуации должно было вызвать к жизни возникновение новой структуры местного общества. Сселение на место будущего Новгорода племенной верхушки, местной аристократии, того слоя, который мог быть назначен протобоярством, является активным способом консолидации межэтнической конфедерации, создания постоянного веча, противостоящего княжеской администрации на Городище. Обращает на себя внимание этимологическое соответствие наименований Славянского и Неревского концов племенным союзам Словен и Неревы (Норомы, Мери). Не был ли Людин поселок местом поселения в нем третьего члена конфедерации — кривичей? («Люди» — такой термин достаточно часто употребляется как самоназвание этносов).

Отметим два обстоятельства. Во-первых, на протяжении всей истории независимого Новгорода местом жительства всех крупных землевладельцев (прежде всего бояр) был сам город. Во-вторых, на территории Новгородской земли, кроме Ладоги и Русы, не было иных городов, тогда как на землях центральной и южной Руси города насчитывались десятками. Новгород впитал в себя всю местную аристократию, превратив ее городские усадьбы в центры переработки продуктов сельскохозяйственного производства громадной округи. Сосредоточившись в Новгороде, местная аристократия сделалась самодовлеющей силой, вечевое устройство которой с самого начала обладало способностью успешно противостоять княжеской власти или, по крайней мере, держать княжескую власть в рамках тех функций, которые были определены ей договором, заключенным в момент приглашения князя. Пребывание боярина в городе делало его постоянным участником этой коллективной — точнее, корпоративной — власти. В южных княжествах, где возобладавало монархическое, княжеское начало, самоутверждение боярина, напротив, имело не центростремительный, а центробежный характер: пребывая за пределами ближайшей орбиты княжеского окружения, живя постоянно в своей вотчине, боярин там, вдали от князя,

чувствовал себя самостоятельным господином.

Имеется возможность реконструировать один из важнейших пунктов недошедшего до нас первоначального договора конфедерации племен русского Северо-Запада с приглашенным князем. Позднейшие новгородско-княжеские соглашения, сохранившиеся от XIII—XV вв., показывают, что одним из основных конституционных требований Новгорода был сбор податей с территории Новгородской земли не княжескими людьми, а самими новгородцами даже в тех случаях, когда речь шла о суммах, следующих в казну князя. Мы уже видели, что и в древнейший доступный археологическому изучению период — в X—XI вв. — новгородцы осуществляли сбор пошлин и контроль за их распределением. В этом коренное отличие Новгорода от южнорусских земель, где для сбора пошлин существовала подробно описанная Константином Порфирогенетом система княжеского «полюдья», то есть объезда пунктов накопления дани самим князем с его дружиной, иными словами — безраздельный княжеский контроль за государственными доходами.

Таким образом, очевидно, что княжеское Городище и боярский Новгород были социально противоположными системами. А это, несмотря на хронологическое предшествование Городища Новгороду, начисто снимает умозрительную проблему генетического восхождения Новгорода к Городищу. Городище — княжеская резиденция, основанная и развиваемая приглашенным князем. Новгород — местопребывание пригласивших князя общественных структур. Взаимоотношения между ними сложны. Княжеская администрация стремится к расширению своих функций за счет традиционных институтов межплеменной вечевой власти. Вечевая же система стремится сохранить себя и расширить свои функции за счет княжеской власти. Какое-то время обе структуры находятся в шатком равновесии, но в конечном счете побеждает традиционная боярская структура, а вторичная по отношению к ней приглашенная княжеская власть оказывается менее жизнестойкой.

Проблема этнической интерпретации новгородского славянства

В ходе новгородских раскопок получены важнейшие материалы по проблеме формирования восточнославянского единства. Ни у кого нет и не может быть сомнений в существовании изначального единства всех славян, их генетического

восхождения к общей праславянской основе. Однако на протяжении всей второй половины I тысячелетия нашей эры славянство переживало динамический процесс расселения в Европе, в ходе которого отдельные группы славян оказывались в разной природной среде, вступали в сложные контакты с иными этническими группами, смешивались друг с другом и снова расходились, приобретая с течением времени локально своеобразные черты. Важнейшей поэтому представляется оценка того состояния, в котором находилось славянство Восточной Европы в IX—X вв., то есть в эпоху складывания Древнерусского государства.

Много десятилетий тому назад в исторической и лингвистической науках сложилось господствующее и сегодня представление об исключительной цельности восточного славянства. Согласно этому представлению, единым центром расселения славян в Восточной Европе было среднее Поднепровье, распространяясь из которого славяне освоили всю территорию их летописной ойкумены, на дальнем северном рубеже которой некие выходцы из Киева построили небольшую крепость для защиты от воинственных северных соседей. Эта отдаленность якобы способствовала амбициям новгородцев, сумевших укрепиться экономически и политически, чтобы затем добиться значительной самостоятельности. Лозунгом этой идеи стали летописные слова Олега, сказанные им о Киеве: «Это будет мать городам русским», воспринимаемые как свидетельство абсолютного старшинства Киева над всеми другими русскими городами, тогда как выражение «мать городам» является калькой греческого ΜΗΤΗΡ ΠΟΛΙΣ, означающего столицу. Придя в Киев, Олег заявил лишь о своем намерении сделать этот город новой столицей своего государства.

В соответствии с изложенным взглядом строились и представления о ходе других общественных процессов. Если расселение шло из одного центра, значит и язык был абсолютно единым, а диалекты, характерные для разных восточноевропейских славянских групп, появились только в период экономической и политической раздробленности, начавшейся в XII в. и усугубленной татаро-монгольским нашествием XIII в. Если культурный облик всех восточных славян находится в зависимости от того его состояния, которое сложилось на днепровском Юге, значит, и языческие культы не обладали местным своеобразием...

Следует подчеркнуть, что этот взгляд не является результатом какого-либо предшествующего исследования. Он был скорее методом, исходной точкой осмысления фактов. Фактов же науке явно не хватало. Поэтому, реконструируя общую картину жизни восточных славян, исследователи, исходившие из изложенного взгляда, к киевским материалам добавляли новгородские, к новгородским — суздальские и т. д. Когда же и русских источников не доставало, то охотно и с легковесностью использовались польские, чешские, сербско-хорватские и т. д., коль скоро все славяне развиваются из одного корня и, следовательно, просто обязаны демонстрировать свое культурное единство.

Открытие берестяных грамот заставило усомниться в правильности такого взгляда и такого метода. Ведь вполне очевидно, что для того, чтобы получить правильное суждение о любом широком процессе, следует прежде всего разбираться, какие его детали имеют значение местного, особенного, а какие характеризуются как общие. Приток новых источников позволил вести исследование не от заранее заданной концепции, а от анализа количественно увеличивающихся фактов.

Когда были найдены берестяные грамоты, то в первые годы их сенсационного открытия они привлекли внимание многих лингвистов, переживших период известного недоумения, так как во многих древнейших документах наблюдались такие языковые особенности, которые никак не укладывались в сложившуюся хрестоматийную схему истории русского языка. Преодолевались эти недоумения двумя способами. Одни исследователи были склонны считать авторов берестяных писем малограмотными. Другие заподозрили археологов в неумении достаточно точно датировать свои находки. Если в документе с археологической датировкой XII веком, например, обнаруживались особенности, которые по упомянутой схеме считались возникшими не ранее конца XIII в., то такой документ с легкостью передатировался, не взирая на очевидную правильность археологического определения его времени... Каждый, кто видел культурный слой Новгорода в разрезе, знает, что, скажем, столетнему периоду соответствуют метровые, а то и полутора метровые напластования, плотно перемежавшиеся деревянными настилами уличных и дворовых мостовых, слоями щепы и золы. Методом дендрохронологии культурные прослойки датируются с точностью до 15—20 лет, а перемещаться из одного слоя в другой без наруше-

ния целостности прослоек ни берестяное письмо, ни другой древний предмет не способны.

Накопление многочисленных противоречий в древнейших берестяных письмах с хрестоматийной схемой развития языка позволило крупнейшему современному лингвисту А. А. Зализняку провести общий анализ всего корпуса открытых в Новгороде и в других русских городах берестяных документов. Результаты анализа заставили отказаться от привычных представлений. Выяснилось, что именно в древнейший период, то есть в XI—XII вв., в наиболее очевидном виде существовал особый древненовгородский диалект, который более чем двадцатью признаками отличался от диалекта южной группы восточного славянства. Заметная часть этих признаков находит аналоги в языках славян, живших в южной Прибалтике (прежде всего в лехитских языках). Однако наиболее значительный признак этого диалекта оказался таким, аналогии которому в славянских языках — и живущих, и известных только по средневековым текстам — отсутствуют. Речь идет о так называемой «второй палатализации задненёбных согласных» (она проявляется в переходе К в Ц, а Г в З в определенных случаях: например, вместо первоначального «келый» современное «целый», вместо «в Боге» — «в Бозе» и т. д.). Все славянские языки пережили этот процесс и только древненовгородского диалекта (в область которого входит и Псковская земля) он не коснулся. Это значит, что в своем движении на земли русского Северо-Запада группа славян (носителей этого диалекта) оказалась в условиях изоляции от остальных славян. Славяне, жившие в среднем Поднепровье, такой процесс пережили, и, следовательно, не от них идет указанная особенность. Найти в Европе место временной остановки прановгородской группы славян, в котором они оказались в изоляции от процесса «второй палатализации», — задача будущих археологических поисков. Но уже отмеченные аналогии указывают, что искать это место следует в областях, прилегающих с юга к Балтике, откуда славяне и пришли в Псковскую и Новгородскую земли, где они получили имена «кривичей» и «новгородских словен».⁴¹

Западные корни псковских и новгородских первоначальников подтверждаются данными курганной археологии и антропологии, они ощущаются при сравнении наименований новгородских и польских деревень, новгородских и польских личных имен, восходящих к дохристианскому периоду. Изучение та-

кого важного сюжета, как история весовых единиц и денежных систем, также показывает наличие в древней Руси двух областей с различающимися приемами взвешивания и счета денег, что свидетельствует о существовании двух регионов с разной экономической и внешнеторговой направленностью. Показательно, что южная денежно-весовая система ориентирована на византийскую литру, а северная — на западноевропейскую марку.⁴²

Иными словами, мы получили право утверждать, что две главные области древней Руси обладали различающимися традициями, что в конечном счете способствовало созданию на Руси двух форм средневековой государственности: в южной Руси возникли княжения, которым свойственна автократическая форма власти, режим монархии; в Новгороде и Пскове получил развитие вечевой строй, в системе которого князь занимал подчиненное положение по отношению к власти бояр, то есть родоплеменной аристократии.

Археология и прикладное искусство

Открытие мира средневекового новгородского прикладного искусства — одно из важнейших достижений новгородской археологии. До этого открытия великие шедевры зодчества, фресковой живописи, иконописи, которыми давно уже прославлен Новгород, казались прекрасными цветами, выросшими в пустыне. Красота шедевров казалась доступной немногочисленным ценителям, прежде всего самим художникам и зодчим, а также наиболее просвещенной верхушке боярства и духовенства. Извечное противопоставление каменного храма жалкой избе простого человека, оборачивающееся и противопоставлением центров средоточия художественных сокровищ в высших слоях общества некой бездуховности простого населения, особенно контрастным казалось именно в Новгороде. Раскопки обнаружили, что подобные рассуждения неверны. Прекрасное было органическим компонентом быта простого горожанина. Стремление украсить любой предмет, употреблявшийся в повседневном быту, проявлялось многократно, и буквально каждый день раскопок приносит подтверждение этому.

До раскопок в Новгороде мы были лишены возможности видеть многообразие древнерусского прикладного искусства во всех его привычных средневековому человеку проявлениях. Виной этому — все та же хрупкость и практическая несохраняемость в земле подавля-

ющего большинства предметов, служивших средневековому человеку. Прикладное искусство древней Руси больше известно сегодня по находкам драгоценных — золотых и серебряных — ювелирных изделий в вещевыхкладах, большинство которых было скрыто в земле в мрачную эпоху татаро-монгольского нашествия,⁴³ а также по сохранившимся в церковных и монастырских ризницах культовым предметам. И в том, и в другом случаях обстоятельства уберегли некий пласт художественного творчества, ориентированный на вкусы привилегированной части общества. Были ли другие пласты творчества подобны ему или же принципиально отличны? Ответить на этот вопрос стало возможным только после обнаружения в Новгороде массовых находок деревянных, костяных и кожаных художественных вещей.

Мы видим теперь, что и шедевры высшего искусства, и украшенные резьбой деревянная ложка или костяной гребень принадлежат к одному кругу явлений, порождены общим стремлением к красоте, потребностью выразить художественный вкус в образах, соответствующих обстановке. Однако и эта обстановка и эти вкусы находились в постоянном движении, развиваясь вместе с обществом. Художественный вкус всегда произведен от мировоззрения, а общественные идеологические системы зависимы от десятков обстоятельств как внутренней жизни, так и воздействия на нее внешних сил. Если с течением времени изменяются самые формы используемых человеком вещей, то в меньшей степени варьируется и их художественный облик. Поэтому проблема датирования массовых находок древних художественных предметов для выяснения динамики и тенденции развития прикладного искусства так же важна, как проблема датирования любых предметов для изучения истории ремесла, техники и всей системы социальных отношений. Благодаря стратиграфической четкости культурного слоя Новгорода все категории найденных в нем художественных предметов обретают каждая свою собственную хронологическую шкалу, которая имеет не только относительный, но и абсолютный характер.

Как уже отмечено, одним из следствий открытия берестяных грамот стала возможность более детальной социальной характеристики раскапываемых усадеб. Поэтому художественные предметы, найденные на этих усадьбах, могут быть классифицированы по их социальной принадлежности, что чрезвычайно важно для выяснения возможной ориентации прикладного искусства на разные

слой общества. Уже сейчас очевидно, что такая ориентация существовала, но она проявлялась в материале и, следовательно, в цене предмета, но не в принципах орнаментации и не в художественных образах оформления.

Иллюстрацией этому может служить наблюдение над художественными предметами XI и XII вв. На первую половину XII в. падает существенный перелом в экономике Новгорода (как, впрочем, и в экономике всей древней Руси). Если прежде ремесленники работали на заказ, учитывая при оформлении своей продукции пожелания и вкусы заказчиков, и изготовляли изощренные технически и художественно драгоценные украшения приемами скани, зерни, перегородчатой эмали, то, начиная с XII в., их деятельность ориентирована в первую очередь на рынок. Продукция их становится стандартной. Кропотливые технические приемы сменяются упрощенными, имитационными; основой технологии становится литье, лишь воспроизводящее внешние особенности предметов более ранней поры. Естественно, что драгоценные предметы встречаются в комплексах богатых боярских усадеб, а стандартные повсеместно. Но и те, и другие опираются на единый арсенал художественных образов и эстетических представлений.

С помощью достоверной хронологии решаются и проблемы, далеко выходящие за пределы собственно новгородской истории прикладного искусства. Вот один достаточно важный пример.

Хорошо известна разница в убранстве средневековых каменных храмов Владимиро-Суздальской земли и Новгорода. Владимирские церкви XII и начала XIII в. покрыты коврами каменной резьбы, в которых причудливые орнаменты обрамляют не только фигуры святых, но и изображения птиц и зверей, фантастических животных и небывалых цветов. Стены новгородских церквей украшены скупой, сама поверхность кладки из чередующихся слоев плинфы и известки или из розового ильменского ракушечника (известняка) служит им украшением. Эта разница, как всегда казалось, говорит о различиях в характере русских людей, обитавших в разных областях, порождая мысли о суровости новгородца, жившего среди болот и сырых лесов, на опасном краю русской земли.

Изощренность каменной резьбы владимирских церквей долгое время оставалась искусствоведческой и исторической загадкой. Откуда мог возникнуть ее стиль? Исследователи вспоминали летописное сообщение о том, что владимирский князь Андрей Боголюбский

призывал к своему двору художников из далеких стран, и искали корни этого стиля в других странах — от Италии до Армении.

Раскопки в Новгороде решили эту загадку, перечеркнув и возникшее было представление о примитивной простоте и суровости рядового новгородца. Оказалось, что многие деревянные предметы, повседневно служившие человеку, украшены такой же причудливой и изощренной резьбой, как и стены владимирских храмов. В слое начала XII в. были найдены уцелевшие дубовые колонны здания, построенного еще в XI в., а может быть, и в X столетии. На них в окружении подобной резьбы оказались изображения кентавра и грифона — двойники владимирских.⁴⁴ Однако новгородские изображения на 150—200 лет старше владимирских. Следовательно, этот загадочный стиль возник не за рубежами Руси, а на славянской почве. И там, где не было подходящего камня, достаточно пластичного, чтобы воспринять линии сложного рисунка, пользовались главным поделочным материалом прошлого — деревом. Во Владимире, надо думать, резали и на камне и на дереве, но деревянные предметы там не сохраняются в земле. В Новгороде резали на дереве, а не на камне потому, что строительный материал храмов этого города — ильменский известняк — рыхл и не приспособлен для резьбы в отличие от владимирского плоского и пластичного белого камня.

Тема соотношения в новгородском прикладном искусстве мира древних традиционных языческих обрядов и мира новых, христианских идей — одна из основных в осмыслении художественных предметов из раскопок Новгорода. Древнейшие горизонты культурного слоя Новгорода охватывают X век, то есть еще не потревоженную языческую эпоху. Новгородец жил тогда в окружении своих деревянных богов, созданных его пантеистическим мирозерцанием. На припечках его домов стояли деревянные домовые, добрые духи, охранители очага, на столах — ковши, в чертанях которых глаз легко угадывает плавные формы водоплавающих птиц, отражающих древние тотемистические представления. Но ручки этих ковшей, как и воинские доспехи, украшены страшными мордами хищных чудовищ, отгоняющих от их владельцев силы зла. И в причудливой орнаментике бытовых вещей; будь ли это гребень, рукоятка ножа или деталь архитектурного декора, несомненно присутствие простых и сложных идей, семантически воплощенных в орнаменте.

Однако и обратившись к более поздним вещевым комплексам той эпохи, когда христианство обрело под собой прочный общественный фундамент, мы будем постоянно встречать тех же домовых, тех же птиц и тех же хищных животных. Художественные образы языческой поры продолжали жить. Отраженные ими мировоззренческие идеи, естественно, деформировались, но сохраняли неизменной свою основу. И, обратившись к церковным проповедям даже XVI в., мы найдем в них яростные протесты против тех остатков языческой веры, которые казались крайне опасными христианской церкви даже спустя пять или шесть веков после крещения Руси.

Отмеченное явление прослеживается и в текстах берестяных грамот. Дважды обнаружены в слоях XII и XIII вв. заговоры против лихорадки, в которых языческий по своей сути призыв обращен к небесным силам христианского ареопага — ангелам, архангелам и Богородице. Характер преследуемого церковными проповедями амулета носит записанный зеркально псалом, который таким образом превращен в антипсалом, в антимолитву. Двоеверие постоянно и упорно проявляется в предметах прикладного искусства древнего Новгорода. Вероятно, самыми выразительными его свидетельствами являются «змеевики», заметное число находок которых впервые получило твердые даты. Найденные в слоях XII—XV вв. «змеевики» представляют собой круглые шейные медальоны, на одной стороне которых изображена христианская эмблема (чаще всего архангел, но также св. Георгий или Богоматерь), а на оборотной — модификация образа Медузы Горгоны с заклинанием против злых сил. Типичный памятник двоеверия был целесообразно прост. К языческому или христианскому богу с его помощью можно было обратиться в зависимости от обстоятельств, только повернув его нужной стороной. И не случайно два таких змеевика (отлитые в одной форме) были найдены в слоях XII в. на усадьбе священника: церковь предписывала срывать подобные амулеты с прихожан. Сродни змеевикам и другая находка: неолитическое кремневое копьё — «громовая стрела», символ языческого Перуна, — было подобрано новгородцем первой половины XIV в. на древней стоянке, но эта находка была оправлена в бронзовую обойму с изображением процветшего креста.⁴⁵

Не менее важным является еще одно направление в исследовании новгородского прикладного искусства в связи с

археологическими открытиями. Как уже об этом подробно рассказано выше, Новгород возник в сложной этнической среде. В его создании наряду с пришлыми на русский Северо-Запад славянами активно участвовали местные «чудские» племена угро-финнов. Коллекции найденных при раскопках Новгорода древних вещей демонстрируют изобилие украшений и других предметов «чудского» круга. Особенно выделяются многочисленные шумящие бронзовые подвески в форме уток, лошадок и стилизованных животных, снабженные подвешенными на цепочках бубенчиками. Но эти предметы, как показали остатки производства, изготовлялись в больших количествах в самом Новгороде, и, очевидно, не только в расчете на их сбыт в области преимущественного расселения карелов, ижоры или вепсов, но и на спрос в самом Новгороде. Именно в украшениях динамичнее всего проявляется культурная связь соседствующих народов. Но если древо новгородской культуры едино, то питающие его корни растут из разноэтничной почвы, и выяснить пути формирования этой культуры — привлекательная задача современного искусствоведения, помочь решить которую несомненно способны многочисленные археологические находки.

Не менее интересен вопрос о дальнейших культурных воздействиях. Среди художественных предметов, найденных в Новгороде, немало таких, которые были привезены издалека. Если влияние византийского искусства имело под собой мощную опору в идеологии христианства, а аксессуары культа прямо ориентировались на византийские образцы, то ввоз в Новгород художественных предметов из других стран определяется системой торговых связей, немыслимых без сопутствующего им культурного обмена. До недавнего времени набор сохранившихся в ризницах новгородских храмов западноевропейских предметов прикладного искусства был сравнительно невелик. Наиболее известным комплексом среди них были лиможские эмали, приписанные в XVII в. жившему в Новгороде в первой половине XII в. св. Антонию Римлянину.⁴⁶ Раскопки заметно пополнили собрание подобных вещей. К числу несомненных шедевров французского прикладного искусства относится костяная рукоятка с вырезанной на ней в XIV в. сценой штурма рыцарями «Замка любви». Следует упомянуть также иконку-литик итальянской работы XIII в. с изображением Богоматери. Встречаются при раскопках и художественные вещи, изготовленные на мусульманском Востоке. Среди них не только разнообраз-

ные бусы из стекла и стеклянная посуда с арабскими благопожелательными надписями, но и великолепный медный сосуд X в., ручка которого украшена изображением сидящей на ней птички.⁴⁷

- ¹ А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 (грамоты № 1—10)... А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.) М., 1954 (грамоты № 11—83); А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (грамоты № 84—136); А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (грамоты № 137—194); А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (грамоты № 195—318); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963 (грамоты № 319—405); А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978 (грамоты № 406—539 и грамоты № 1—13 из Старой Руссы); В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986 (грамоты № 540—614 и грамота № 14 из Старой Руссы); В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1992 (грамоты № 615—710 и грамота № 15—23 из Старой Руссы). Берестяные грамоты, найденные после 1989 г., готовятся к изданию.
- ² Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, В. Л. Янин. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- ³ В. Л. Янин. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981, с. 7—57.
- ⁴ В. Л. Янин. Новгородская феодальная вотчина, с. 54—55.
- ⁵ Там же, с. 58—117.
- ⁶ В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.), с. 62—65, 72.
- ⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 729—776; М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 49—56.
- ⁸ В. Л. Янин. Новгородская феодальная вотчина, с. 200—256.
- ⁹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950 (при дальнейшем цитировании — НПЛ), с. 175.
- ¹⁰ В. Л. Янин. Археологический комментарий к Русской Правде. — Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода, с. 138—155.
- ¹¹ НПЛ, с. 39, 230.
- ¹² Там же, с. 32, 220.
- ¹³ Там же, с. 21, 205.
- ¹⁴ Былины Печоры и Зимнего Берега. М.-Л., 1961, с. 112; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 126.
- ¹⁵ НПЛ, с. 68, 274.
- ¹⁶ А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.), с. 124—127.
- ¹⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, с. 62—72.
- ¹⁸ А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.), с. 130—134.
- ¹⁹ Р. А. Симонов. Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980, с. 98—99.
- ²⁰ М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. О датировке вала и рва Новгородского острога. (В

связи с вопросом о формировании городской территории). — СА, 1970, № 4, с. 54—73.

²¹ В. Л. Янин, Б. А. Колчин, Б. Д. Ершевский, М. Х. Алешковский. Новгородская экспедиция. — АО, 1972 г. М., 1973, с. 48.

²² А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. — МИА, № 11. М. — Л., 1949, с. 119—151.

²³ В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы). — «История СССР», 1971, № 2 с. 32—61.

²⁴ ПСРЛ, т. 1. Изд. 2-е, вып. 1. Л., 1926, стб. 19—20; т. 2. Изд. 2-е СПб., 1908, стб. 14.

²⁵ НПЛ, с. 20, 204.

²⁶ А. Строков, В. Богусевич. Новгород Великий, Л., 1939, с. 248—249.

²⁷ М. А. Воронова. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле. — Новгород и Новгородская земля. (Тез. науч.-практич. конференции). Новгород, 1988, с. 74—75.

²⁸ Б. А. Колчин, А. С. Хорошев. Михайловский раскоп. — Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 141.

²⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989, с. 44—45, комментарий на с. 310.

³⁰ М. А. Воронова. Раскопки Лихудова корпуса, с. 73—75.

³¹ Г. Н. Джаксон. Наименование древней Руси и Новгорода в древнескандинавской письменности. — Скандинавский сборник, вып. XXX, 1986, с. 85—95.

³² Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII веке. — Ученые записки Института истории РАН, т. 4, 1929, с. 13—21.

³³ Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, с. 157—161.

³⁴ НПЛ, с. 19, 203.

³⁵ В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси, т. 1—2. М., 1970 г.

³⁶ Е. Н. Носов. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990.

³⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники, с. 54—62.

³⁸ Е. А. Рыбина. Из истории южного импорта в Новгород. — СА. 1971, № 1, с. 260—264; Е. А. Рыбина. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв., с. 46—47.

³⁹ НПЛ, с. 106.

⁴⁰ Там же, с. 107.

⁴¹ А. А. Зализняк. Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков. — «Вестник Академии наук СССР», 1988, № 8, с. 92—100.

⁴² В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

⁴³ Н. Кондаков. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода, т. 1. СПб., 1896; А. С. Гушин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.-Л., 1936; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.-Л., 1954.

⁴⁴ А. В. Арциховский. Колонна из новгородских раскопок. — ВМУ. Серия: Общественные науки, 1954, № 4, с. 65—68.

⁴⁵ М. В. Седова. Амулет из древнего Новгорода. — СА. 1957, № 4, с. 166—167.

⁴⁶ В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — Археология СССР: САИ, вып. Е1—57. М., 1966, с. 31—32, № 52—54.

⁴⁷ Б. Колчин, В. Янин, С. Ямищев. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985, с. 79, 87, 140.